

Вѣчная буди память и блаженный покой и всёмъ, отъ крещенія Руси до нынѣ подвизавшимся за вѣру и отечество и скончавшимся благовѣрнымъ Царямъ и Царипамъ, военачальникамъ и воинамъ, пастырямъ и паствамъ ихъ, и да хранитъ Господь на многія и многія лѣта защитника вѣры православной и покровителя отечественной церкви, Благочестивѣйшаго Великаго Государя Нашего Императора Александра Александровича, — Наслѣдника Цесаревича и всю Августѣйшую Его Фамилію, Святѣйшій Синодъ, святителей и весь причетъ церковный, христолюбивыхъ воиновъ и всёхъ православныхъ сыновъ Россіи, да упразднитъ въ ней расколы и ереси и всякое нестроеніе, чтобы, безмятежно поживши въ вѣрѣ православной и во всякомъ благочестіи и чистотѣ, сподобиться единогласно славить всёмъ намъ единого во Святой Троицѣ Бога всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

Послѣ первой каеизмы говорилъ довольно длинную рѣчь (болѣе часа) о началѣ христіанства въ Россіи пребывающій въ обители паломникъ Н. По шестой пѣсни канона читался акаеистъ св. князю Владиміру о. Игуменомъ съ двумя іеромонахами.

По окончаніи бдѣнія тотчасъ же былъ совершенъ крестный ходъ на воду, гдѣ послѣ водоосвященія вся братія, поклонники и многіе рабочіе прикладывались къ св. мощамъ и св. кресту и окроплялись св. водою. Затѣмъ священная процессія обошла кругомъ монастырь. Все это продолжалось болѣе 2-хъ часовъ.

По окончаніи крестнаго хода началось освященіе вышеупомянутаго храма во имя св. великихъ князей Равноапостольнаго Владиміра и Александра Невскаго преосвященнымъ еп. Агаангеломъ, проживающимъ на покой на св. горѣ, а затѣмъ сряду же Божественная литургія въ сослуженіи 14 іеромонаховъ и 7 іеродиаконъ. Вся братія приобщалась св. Христовыхъ таинъ. вмѣсто пѣнія причастнаго говорилъ слово примѣнительное къ настоящему торжеству извѣстный миссіонеръ нашъ іеромонахъ о. Арсеній. По окончаніи литургіи отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ присокупленіемъ св. благовѣрнымъ князьямъ: Владиміру

и Александру Невскому и св. княгинѣ Ольгѣ съ многолѣтіемъ Государю Императору со всёмъ Августѣйшимъ Домомъ, Св. Синоду со всёмъ освященнымъ соборомъ, правительствующему синклиту, воинству и всёмъ православнымъ христіанамъ. Тѣмъ и закончилось церковное торжество 900 лѣтія. Все богослуженіе этого дня почти непрерывно продолжалось 17 часовъ. Послѣ сего всѣ служащіе іеромонахи, іеродиаконъ и нѣкоторые поклонники были приглашены на архондарикъ (т. е. въ гостинную), на угощеніе по восточному обычаю вареньемъ съ водою и кофе. Пѣвчіе пропѣли тропарь св. Равноапостольному князю Владиміру, а о. Игуменъ Макарій сказалъ краткую рѣчь, въ которой выразилъ радость о томъ, что Господь сподобилъ насъ отпраздновать по силѣ нашей столь великое церковное и народное всероссійское торжество, при чемъ высказалъ сердечное пожеланіе дорогому незабвенному отечеству благоденствія, мира, утвержденія въ вѣрѣ православной, всевозможнаго преуспѣянія въ государственной и гражданской жизни подъ державой возлюбленнѣйшаго царствующаго Дома Романовыхъ и прежде всего подъ скипетромъ нынѣ благополучно царствующаго Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего Александра Александровича III, которому да будутъ многая и многая лѣта. Пѣвчіе, при общемъ благоговѣнномъ вниманіи, пропѣли народный гимнъ, повторенный два раза, а затѣмъ многолѣтіе. Монашествующіе греки пропѣли многолѣтіе по гречески.

Затѣмъ о. Архимандритъ Макарій, обычнымъ здѣсь въ праздникъ торжественнымъ шествіемъ въ архіерейской мантии и съ архіерейскомъ посохомъ, направился при колокольномъ звонѣ изъ Пантелеимоновскаго собора, при пѣніи духовныхъ пѣсней, въ трапезу, гдѣ за столомъ установленнымъ блюдами хотя и праздничнаго, но весьма скромнаго монашескаго обѣда, ожидала братія. Во время обѣда съ особо устроенной каеэды для чтенія говорилъ соотвѣтственное празднику слово миссіонеръ іеромонахъ о. Арсеній. Послѣ обѣда, когда было роздано обѣдавшимъ праздничное коливо и по стакану краснаго вина каждому о. Архимандритъ Макарій,

напомнивъ братіи о значеніи праздника, возблагодарилъ Бога въ Троицѣ Святой славимаго и Пречистую Богородицу и Приснодѣву Марію за то величіе, какое теперь, послѣ девятисотъ лѣтъ со дня крещенія при св. Владимірѣ, ниспослано Россіи какъ вѣнецъ ея твердости въ вѣрѣ православной, которая нераздѣльно, какъ душа съ тѣломъ, соединилась съ Русскимъ государствомъ и всегда подкрѣпляетъ его въ трудныя минуты испытаній. „Дай Богъ, добавилъ отецъ Архимандритъ, чтобъ и на будущее время, въ роды родовъ, пока это Господу будетъ угодно, православная вѣра укрѣпилась въ Россіи и Россію укрѣпляла, чтобы незабвенное отечество наше украшалось храмами православными и сіяло усердіемъ къ нимъ дорогихъ соотечественниковъ нашихъ, чтобы великая родина наша была тѣмъ духовнымъ разсадникомъ, изъ котораго вѣра православная распространится по всему лицу земному, да исполнится евангельское слово: и будетъ едино стадо и единъ Пастырь.

Помолимся же, братіе, закончилъ о. Архимандритъ, о мирѣ и благоденствіи нашего отечества подъ державою Благочестивѣйшаго Государя нашего, о Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ и правительствующемъ синклитѣ и о всѣхъ православныхъ христіанахъ. Да дастъ же Господь нашему Благочестивѣйшему Государю и всему Августѣйшему Его Дому многая лѣта!“

Братія проѣли многолѣтіе, а затѣмъ, когда о. Архимандритъ вышелъ изъ-за стола, раздалось пѣніе такъ называемаго трапезнаго „Достойно есть“.

Послѣ трапезы была еще краткая литія въ соборѣ св. Пантелеимона съ многолѣтіемъ, и тѣмъ закончился въ русскомъ на Аѳонѣ монастырѣ знаменательный для всѣхъ русскихъ день.

К І Е В Ъ.

(Воспоминанія недужнаго туриста).

Въ раннемъ юношескомъ возрастѣ, состоя на службѣ въ канцеляріи К—го губернатора, при управленіи этою губерніей генерала М. Н. Муравьева, я въ слѣдствіе непомерно тяжелыхъ занятій сильно разстроилъ здоровье: не выносимая боль груди, лѣваго бока и спины между плечъ, при перемежавшемся лихорадочномъ состояніи,

грозили крайнею опасностію и заставили обратиться за медицинскою помощію къ бывшему тогда врачебному инспектору П. Е. Чикаревскому, которому поручено было отъ начальника губерніи, насколько возможно серьезнѣе заняться мною. Начавъ лѣчение съ апрѣля мѣсяца декоктомъ и нѣкоторыми наружными средствами, этотъ достойный полнѣйшаго уваженія и вѣчной благодарной памяти, докторъ неутомимо трудился надъ моимъ опаснымъ недугомъ, предвѣщавшимъ неизбежную чахотку, и практикуясь надъ изгнаніемъ начавшихся очевидныхъ признаковъ такой страшной для юныхъ лѣтъ моихъ болѣзни, почти ежедневно навѣщала меня, строго слѣдя, какъ за ходомъ своей практики, такъ и за неуклоннымъ выполненіемъ съ моей стороны его наставленій.

Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, до первыхъ чиселъ іюля, заботился П. Е., о восстановленіи жизненныхъ силъ моихъ, точно чадолюбивый отецъ надъ своимъ первенцемъ. Когда же трудъ его, видимо увѣнчивался успѣхомъ, и я получилъ возможность по нѣсколько минутъ прохаживаться и сидѣть на чистомъ воздухѣ, подъ жгучими лучами благотворнаго свѣтила небснаго, озаряемый его блескомъ и теплотою, добрѣйшій врачъ мой, преподалъ мнѣ благій совѣтъ—совершить не большое путешествіе подъ непремѣннымъ условіемъ, насколько дозволитъ все еще слабыя силы мои, идти пѣшкомъ, но отнюдь не до усталости. И вотъ, какъ бы осѣненный свыше свѣтлою мыслию, призвавъ въ помощь Господа и Царицу Небесную, рѣшился я направить страннической путь свой въ невиданный дотолѣ—Кіевъ. Съ этой цѣлю, на другой же день послѣ даннаго мнѣ докторомъ совѣта, собравшись съ еде—еде возникавшими силами, отправился въ Знаменскій монастырь къ утреннему богослуженію, испросилъ разрѣшеніе принять въ квартирѣ своей чудотворную икону Богоматери, и отслушавъ съ подобающимъ благоговѣніемъ напутственное, молебное пѣснопѣніе съ акаѳистомъ Царицѣ небесной; въ тотъ же день, 8 іюля, день празднованія св. иконы Ея, именуемой Казанскою, пустился въ предназначенный, дальній путь...

Въ два первые дни вояжа, чрезмѣрно утомленный накануне, я идти положительно не могъ; на третій, нѣсколько отдохнувши, въ состояніи былъ пройти въ два три раза верстъ около пяти, а затѣмъ, въ слѣдующіе дни, безъ особаго затрудненія, проходилъ уже отъ 10 до 15-ти и въ концѣ концовъ, слѣдуя отъ горъ Козельца къ м. Броварамъ, настолько окрѣпъ въ силахъ, что могъ идти, не чувствуя ни малѣйшаго утомленія, болѣе 20 верстъ, благодаря усердно Господа и всѣхъ Святыхъ, Святѣйшую Матерь Его, за ниспосланное мнѣ свыше милосердіе!.. Такимъ образомъ, 14 іюля въ седьмой день выѣзда изъ Курска совершилось прибытіе мое въ Кіевъ, отстоящій отъ Курска по тогдашнему почтовому тракту на 473 версты.—

Много лѣтъ протекло быстрой рѣкой съ тѣхъ поръ, какъ Господь сподобилъ меня впервые побывать въ Кіевѣ; но время не въ силахъ было изгладить тѣхъ сильныхъ впечатлѣній, какія возбудилъ въ юной тогда душѣ моей—одинъ, хотя бы и поверхностный взглядъ на этотъ чудный, историческій городъ, съ его древнею святыней, съ его великолѣпной лаврой, монастырями, многочисленными храмами, съ его роскошно цвѣтистыми холмами, изумрудными лугами, громадными, преимущественно сосновыми лѣсами; наконецъ—съ его величественно—грозымъ Днѣпромъ!

И теперь еще, по истеченіи болѣе четырехъ десятилѣтій, при воспоминаніи о Кіевѣ и его дивно-живописныхъ окрестностяхъ, невольно воскресаетъ въ мысляхъ моихъ великолѣпное стихотвореніе одного изъ передовыхъ поэтовъ нашихъ первой четверти настоящаго вѣка: стихи И. И. Козлова, въ которыхъ такъ восторженно, съ такимъ теплымъ религиознымъ увлеченіемъ, съ такимъ глубокимъ, задушевнымъ чувствомъ вѣры и любви къ высокому и прекрасному, воспѣлъ онъ красоты внѣшнія и внутреннее, духовное значеніе для нашей православной Руси, этого маститаго пращура городовъ русскихъ; это великое, знаменательное святилище нашей Божественной религіи; эту священную купель вѣры и духовнаго возрожденія изъ мрака язычества нашего, дорогаго отечества!..

Нѣсколько строфъ, сбереженныхъ моею памятью изъ этого прекраснаго, исполненнаго умирительно поэтической красоты, произведенія нашего даровитаго слѣпца-поэта, помѣщаю здѣсь:

«О, Кіевъ градъ, гдѣ съ вѣрою святою
Зажглася жизнь въ краю у насъ родномъ,
Гдѣ свѣтлый крестъ съ Печерскою главою
Горитъ звѣздой на небѣ голубомъ;
Гдѣ стелятся зеленой пеленою
Твои поля въ раздолѣ золотомъ,
И Днѣпръ рѣка подъ древними стѣнами
Кипитъ, шумитъ цѣнистыми волнами!..
Какъ часто я душой къ тебѣ летаю
О, свѣтлый градъ, по сердцу мнѣ родной,
Какъ часто я мой умъ воспламеняю
Священною твоею стариной!..

Тамъ надъ Днѣпромъ Печерская сіяетъ,
Кресты ея въ волнахъ рѣки горять,
Она душѣ вѣка напоминаетъ,
Небесные тамъ въ подземельѣ спятъ...
Надъ нею тѣнь Владиміра вѣщаетъ,
Зубцы ея о славу говорятъ!..
Смотрю ли вдаль, вездѣ мечта со мною
И милою все дышетъ стариною!...»

Можетъ быть, что въ этихъ немногихъ строфахъ я сдѣлалъ погрѣшность противъ оригинала, но полагаю, что онѣ достаточны для того, чтобъ изобразить Кіевъ и его значеніе для Русскихъ.

Я до сихъ поръ свято сохранилъ въ свѣжей памяти то благоговѣйное чувство, какое запечатлѣлъ во мнѣ Кіевъ своимъ священнымъ величіемъ!..

Послѣдній ночлегъ наканунѣ вѣзда въ Кіевъ, имѣлъ я въ Броварахъ, мѣстечкѣ Черниговской губерніи, въ 18-ти верстахъ отъ святаго города. Начиная отъ броварской заставы вплоть до Днѣпра, среди вѣковаго сосноваго бора не задолго предъ тѣмъ сдѣлана была широкая просѣка и отлично устроенное шоссе замѣнило тяжелую, зыбуче-песчаную дорогу между Броварами и Кіевомъ. Просѣка эта такъ приспособлена, что на разстояніи 18 верстъ, представляетъ въ натуральной панорамѣ Печерскую лавру съ ея ярко вызолоченными куполами и массивными крестами... Выѣздъ мой изъ Броваровъ совершился при самомъ восходѣ іюльскаго солнца, когда появился лишь на скатѣ горизонта блестящій край его и словно чистымъ золотомъ заливалъ окрестности. Затѣмъ, лучи свѣта, быстро поднимаясь выше и выше по свѣтло-голубому небосклону, ударили на лавру и огненнымъ блескомъ отразились, засіяли и заиграли на ея крестахъ и куполахъ церковныхъ... Эта великолѣпная, восхитительная картина, выше всякаго описанія... Торжественность ея никакой краснорѣчивый языкъ ни кисть художника передать не въ состояніи!.. Она до того поразительно прекрасна, что заставила меня, при врожденной впечатлительности, забыть на время все существующее помимо ея свѣтозарнаго, божественнаго величія! Заставила забыть самого себя, забыть самую цѣль своего путешествія и благоговѣйно погрузиться въ одно безмолвное созерцаніе этого, чарующаго душу вида, этой обаятельной, невыразимой красоты, этого блеска и свѣта!..

Съ приближеніемъ къ богоспасаемому граду Кіеву пріятно поражаетъ взоръ раскинувшаяся у самой подошвы города, передъ его высочайшими скалами, какъ бы темно-голубая пелена необъятной широты... Пелена эта—Днѣпръ! величественный, царственный Днѣпръ!.. Переправа чрезъ него совершалась тогда по цѣпному висячему мосту; (такъ какъ Николаевскій, Милліонный мостъ въ то время не былъ еще открытъ для проѣзда) и снова поразительно дивное явленіе представилось взору: обращаясь къ правой сторонѣ теченія этого гиганта—рѣки, видишь грозную, бурную массу воды, готовую пожрать въ разъяренныхъ волнахъ своихъ все, что осмѣлилось бы постановить переграду на страшномъ пути ея!.. Но, какая же разительная противоположность является при взглядѣ на этого самаго гиганта, съ лѣвой стороны моста? Тутъ видишь невозмутимую гладь, мирно покоящуюся въ лонѣ своемъ, и при ослѣпительномъ блескѣ солнца представляющуюся, какъ бы полированнымъ необъятныхъ

размѣровъ—зеркаломъ! Такъ тихо, чинно и величаво катить Днѣпръ свои синія, могучія воды!..

Смотришь, какъ очарованный, то въ ту, то въ другую сторону: смотришь, глазъ не отрывая, любишься, восторгаешься, благоговѣешь предъ этой чудной, невыразимо величественной картиной природы... Смотришь—и мысленно преклоняешься долу предъ всемогущимъ Творцемъ ея и Господомъ Вседержителемъ! Ему же слава, честь, благодареніе и поклоненіе во вѣки вѣковъ!—

Спрашивается: могутъ ли изглаживаться временемъ и какими-бы то ни было обстоятельствами жизни подобныя, глубоко запавшія въ душу впечатлѣнія?.. Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ! Онѣ на всю жизнь благоговѣйно сохраняются въ чувствахъ моихъ и пребудутъ святы и приснопамятны до конца моего земнаго существованія...

О святынѣ Кіевской: таинственно-мрачныхъ пещерахъ ближнихъ и дальнихъ, почивающихъ въ нихъ нетлѣнно въ продолженіе многихъ вѣковъ—св. угодниковъ Божіихъ, муроточивыхъ главахъ и проч., я рѣшительно не въ силахъ выразить мысль мою и чувства. Это слишкомъ много превышаетъ мои слабыя понятія.

Тамъ великое, блаженное, святое,

Небесное, а не земное...

И нашему ль незрѣлому уму

Проникнуть тайнъ священныхъ глубину?!

Въ восемнадцать дней совершилось путешествіе мое изъ Курска въ Кіевъ и изъ Кіева въ Курскъ, вмѣстѣ съ пятидневнымъ пребываніемъ во святомъ городѣ. Отправясь въ путь недужнымъ и ослабленнымъ, я возвращался полнымъ здоровья и силы! Организмъ мой, потрясенный, казалось, неисцѣлимымъ недугомъ, до такой степени обновился и укрѣпился, какимъ былъ онъ развѣ въ самую цвѣтущую пору жизни моей!..

Воистину, неизреченно милосердіе Отца небеснаго и Святейшей Его Матери—Дѣвы ко всемъ припадающимъ къ Ихъ благодати въ духѣ вѣры, надежды и любви!

С. Слатинъ.

Аеонскій Патерикъ

въ поученіяхъ.

6. Какъ должно проводить послѣдніе дни и часы жизни.

(Изъ жизни Павла Ксиропотамскаго (пат. ч. I. стр. 71—72) и Симеона (ч. I. стр. 226—227).

Какъ намъ жить на землѣ, этому насъ учатъ гораздо чаще, чѣмъ о томъ, какъ умирать. А между тѣмъ послѣднее

намъ было бы полезно не менѣе перваго. Въ жизни, если въ чемъ и ошибемся, дѣло большею частію такъ или иначе можно исправить; а вѣдь умираютъ только однажды. *Всѣмъ намъ*, говоритъ Слово Божіе, *единою лежитъ умерети, потомъ же судъ*, Потому то многіе изъ великихъ людей науки умирать и называютъ важнѣйшею изъ всѣхъ наукъ. Изъ нея, братіе, мы нынѣ намѣрены дать вамъ два урока отъ преподобныхъ отцовъ Аеонскихъ. Выслушайте ихъ со вниманіемъ.

Преподобный Павелъ Ксиропотамскій (пам. 28 іюля) за два дня до кончины созвалъ братство Ксиропотамской и новой обители и когда братія окружили болѣзненный одръ его, Преподобный сказалъ: Дѣти! еще два дня, и меня не будетъ между вами. Вы знаете и видѣли, какъ я жилъ въ этомъ святомъ мѣстѣ; какъ отъ юности своей хранилъ заповѣди отцевъ моихъ: умоляю и васъ твердо хранить ихъ, возлюбленные!...

Горькій плачъ и слезы братства заглушали предсмертныя слова достопамятнаго Павла.—«Отче», говорили ему братія: «не оставляй насъ въ сиротствѣ, и не лишай духовныхъ твоихъ наставленій;—видя дивные твои подвиги, мы полагаемъ, что ты никогда не долженъ умереть, а между тѣмъ ты отходишь отъ насъ,—утѣшеніе наше, отецъ нашъ и наставникъ!» Тронутый слезами и плачемъ братіи, заплакалъ и самъ умирающій старецъ, и сквозь слезы, продолжалъ: «Перестаньте, братіе, плакать! — не смущайте своимъ плачемъ моего сердца. Что дѣлать!—настало время, котораго постоянно желала душа моя и страшилась плоть моя.»—При этихъ словахъ, онъ всталъ, надѣлъ на себя мантию и, довольно помолвившись, приобщился пречистыхъ Таинъ Христовыхъ. Вдругъ на лицѣ его засіялъ божественный свѣтъ, такъ что окружавшая его братія, бывъ поражена такою славою лица его, преклонилась ницъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сѣлъ и, проговоривъ всегдашнюю свою молитву: «упованіе мое Отецъ, приближице мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святой,—Троице Святая, слава Тебѣ!» — сказалъ еще нѣсколько словъ братіи въ назиданіе и, наконецъ, склонившись на смертный одръ и скрестивши на груди руки, возвелъ молитвенныя очи на небо, вздохнулъ, и душа его тихо и мирно отошла къ Богу.» (Это было іюля 28-го дня). (Пат. ч. I. стр. 71—72).

Не менѣе была замѣчательна и кончина преподобнаго Сумеона, отца преподобнаго Саввы, Архіепископа Сербскаго. Передъ смертію Сумеонъ призывалъ своего возлюбленнаго сына, просилъ его молитвъ, благословилъ его, завѣщалъ перенести кости свои въ родную землю. Потомъ призывалъ къ себѣ всю иночествующую братію и, называя каждого по имени, благословлялъ, просилъ себѣ его молитвъ, и предавая всѣхъ ихъ Господу и Пречистой Его Матери распустилъ братію по кельямъ. Была уже ночь,—и вотъ, крайне дряхлый, внезапно встаетъ онъ съ одра своего какъ юноша, и какбы ожидаетъ свѣтлыхъ гостей небеснаго Царя: украсившись одеждою святаго ангельскаго образа, Сумеонъ причастился принесенныхъ ему въ келлію, страшныхъ и животворящихъ Таинъ, и за все благодарилъ Бога. Послѣ того, объяли его, какъ человѣка, предсмертныя страданія... Сынъ его, Савва, прочиталъ у его одра весь Псалтирь. Они взаимно увѣщавали другъ друга не скорбѣть, и вмѣстѣ возсылали къ Богу благодарныя молитвы. Когда разсвѣло, Савва внесъ родителя своего въ церковный притворъ... Вокругъ Сумеона стояла братія и плакала, разставаясь съ отцемъ; преподобный едва могъ подать знакъ рукою, чтобы удержались отъ плача. Свѣтло было лице его: казалось, будто, вмѣстѣ съ таинственными посѣтителями, поетъ онъ псаломъ,—но никто не видѣлъ этихъ посѣтителей и не могъ слышать псалма, кромѣ послѣднихъ словъ: *всякое дыханіе да хвалитъ Господа*. Тогда только уразумѣли, что отходившій воспѣвалъ пѣснь ангельскую, вмѣстѣ съ Ангелами, и до конца жизни прославлялъ Бога. Послѣ сей пѣсни Сумеонъ уже ничего болѣе не говорилъ, а только свѣтло взиралъ на образъ Христовъ, какбы вручая Ему свою душу; благовоніемъ ѳиміама исполнилась вся храмина: такъ сладостно уснулъ св. старецъ» (Пат. ч. I. стр. 226—227)!

Вотъ, братіе, вамъ уроки изъ науки, какъ должно умирать! Примите ихъ къ свѣдѣнію и чаще воспоминайте о нихъ. Воспомявъ о нихъ, вы вмѣстѣ будете вспоминать и о собственной смерти и постепенно приготовляться къ ней, удерживаясь отъ грѣховъ и ревнуя о добродѣтели. Послѣ такого приготовления смерть для васъ будетъ не страшна, а радостна. Аминь.

7. Въ назиданіе юношамъ.

(Изъ жизни преподобныхъ: Павла, Аеанасія и Саввы).

Юноши нынѣшняго времени, къ сожалѣнію должно сказать, весьма мало обращаютъ вниманіе на нравственное воспитаніе себя въ законѣ Господнемъ. Науки свѣтскія изучаютъ, модѣ подражаютъ, свѣтскіе обычаи весьма быстро усваиваютъ; а о томъ, чтобы стать ближе къ Богу, обогатить себя дѣлами добрыми, приучить себя къ добродѣтели, полюбить добро, укрѣпить себя молитвою—обо всемъ этомъ весьма мало заботятся. — Не отъ этого ли, братіе, нынѣ такъ часто и видимъ, что или тотъ или другой юноша, на нашихъ глазахъ, сбивается съ пути? Одинъ не доучился, другой попалъ въ общество дурныхъ товарищей, третій не хочетъ знать своихъ родителей, и т. д. Да, именно отъ того. *Начало премудрости*, говоритъ Соломонъ, *страхъ Господень* (Притч. 1. 7); *а въ злохудожную душу премудрость не увидеть*. Да, если юноша подлинно хочетъ быть счастливымъ и въ наукахъ имѣть успѣхъ, непремѣнно, прежде и паче всего долженъ утвердить въ сердцѣ страхъ Божій и быть благочестивымъ. Только при этихъ условіяхъ истинная наука дается, и счастье такому сопутствуетъ. Доказать это не трудно.

«Преподобный Павелъ Кесиропотамскій, Аѳонецъ, въ юности достигъ до такой степени образованія, что всѣ мудрецы того вѣка уступали ему право на славу и удивленіе современнаго свѣта». А почему? Потому что былъ благочестивъ; ибо памятниками его высокаго образованія остались для насъ—слово на Введеніе Пресвятыя Богородицы, канонъ сорока мученикамъ и канонъ честному кресту (Пат. ч. I. стр. 64—65). Такимъ образомъ, поелику онъ имѣлъ въ сердцѣ страхъ Божій, то Господь и умудрялъ его.

Преподобный Аеанасій, тоже Аѳонецъ, ранѣе семи лѣтъ отданъ былъ въ наученіе книжное. И чтоже? Онъ понималъ уроки столь легко, что ему дивились и учителя и его товарищи. Какая же была причина сего? Та, какъ говоритъ писатель житія его, что отличительными чертами его возраста были: скромность во всемъ его поведеніи, благочиніе, великое воздержаніе (Пат. ч. I. стр. 75).

Или возьмемъ еще для примѣра Савву, Архіепископа Серб-

скаго. Когда онъ достигъ отроческихъ лѣтъ, его отдали въ наученіе божественныхъ книгъ и онъ въ дѣтствѣ еще изумлялъ cadaго разумомъ и еще юный взошелъ въ разумъ священныхъ книгъ, которыя непрестанно читалъ, заимствуя изъ нихъ начало премудрости—страхъ Божій, и разгараясь день ото дня божественною любовію, какъ бы огонь прилагалъ къ огню (Пат. ч. I. стр. 192). Отсюда уже само собою понятно—за что дана была Саввѣ премудрость.

Итакъ вотъ гдѣ, братіе, заключается разгадка того, почему Святымъ и наука давалась, и въ обществѣ они дѣлались примѣрными людьми! И вотъ гдѣ объясненіе того, почему нынѣшнимъ юношамъ и наука подчасъ не дается, да и отъ поведенія ихъ, если не сами они пока, такъ многіе плачутъ. Первые, какъ видите, основывали домъ свой на камнѣ, а послѣдніе на пескѣ; первые жили въ Богѣ и для Бога, а послѣдніе въ угожденіи лишь міру и плоти; первые заботились прежде всего о воспитаніи своего духа въ страхъ Божіемъ, а послѣдніе лишь о наслажденіяхъ чувственныхъ. Да, грустно и стыдно часто становится, глядя на нынѣшнее молодое поколѣніе. Какое различіе, какая бездна между юношами нынѣшними и юношами христіанскими первыхъ вѣковъ! Тамъ юноша представляется ангеломъ Божіимъ, а здѣсь, весьма часто, скоморохомъ, скорбію родителей, вреднымъ членомъ общества. Раскрывайте все это, братіе, нынѣшнимъ молодымъ людямъ чаще; указывайте имъ всю бездну золь, въ которую впадаютъ они, удаляясь отъ Бога; и убѣждайте ихъ стать на правый путь примѣрами Святыхъ. Молодое сердце воспримчиво; можетъ быть, Господь дастъ, они и послушаютъ словъ вашихъ, и изъ чадъ тьмы, содѣлаются сынами свѣта. Господи, призри на нихъ, и обрати ихъ къ Себѣ! Утверди стопы ихъ въ истинѣ и благочестіи и да пойдутъ непреткновенно въ заповѣдяхъ Твоихъ. Аминь.

8. Чтобы получить прощеніе во грѣхѣхъ, нужно прежде загладить его.

(Изъ жизни преподобнаго Евфимія Фессалонитскаго. Пат. ч. I. стр. 52—53).

Когда кого-либо изъ насъ постигаетъ наказаніе за извѣстный грѣхъ, тогда мы каемся предъ Богомъ въ этомъ грѣхѣхъ и просимъ прощенія. Но всегда ли получаемъ послѣднее?

И всегда ли освобождаемся отъ послѣдствій грѣха? Часто нѣтъ. Отъ чего это? Въ большинствѣ случаевъ отъ того, что когда, при наказаніи, просимъ прощенія за грѣхъ, въ тоже время загладить этотъ грѣхъ соответственными добрыми дѣлами—плодами нашего покаянія, намъ и въ голову не приходитъ. Напримѣръ: взялъ я у кого-либо неправедно извѣстную сумму денегъ, и знаю, что грозитъ мнѣ за неправедную взятку взысканіе. Что я тогда дѣлаю? говорю: Господи, пронеси отъ меня бѣду; избавь отъ взысканія! А между тѣмъ о томъ, чтобы возратить взятое, объ этомъ я и не думаю, а если и думаю, то это мнѣ кажется очень трудно и тяжело. Отъ этого-то вотъ, въ подобныхъ случаяхъ, и не слышитъ насъ Господь и не прощаетъ. А возврати мы взятое, расплатись чѣмъ и сколько можемъ за свой грѣхъ, тогда конечно Господь и скорѣе явитъ милость Свою намъ и проститъ насъ.

Разъ преподобный Евфимій, новый, Фессалонитскій, съ двумя подвижниками—Іоанномъ Коловымъ и Сумеономъ, удалился на островъ св. Евстратія и тамъ, нашедши желаемое безмолвіе, думалъ, что наконецъ обрѣлъ пристанище невозмутимое. Но діаволь, попущеніемъ Божіимъ, подвижъ на нихъ сарациновъ, которые, приплывъ на двухъ корабляхъ, плѣнили ихъ и хотѣли увести съ собою. Но Господь чудомъ спасъ преподобныхъ. Когда варвары, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подняли паруса и пустились въ путь, и отплыли отъ острова съ милою, корабль, въ которомъ находились преподобные, вдругъ сталъ, тогда какъ другой, въ которомъ находились ничтожныя вещи и нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ святымъ, плылъ хорошо. Это чудо изумило варваровъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «ужели мы, глупые, не можемъ понять, что это случилось съ нами за сдѣланное насиліе рабамъ Божіимъ? Если не хотимъ погрузиться въ море, давайте скорѣе освободимъ ихъ». Товарищи согласились съ нимъ безъ противорѣчія, и всѣ они, падши къ ногамъ святыхъ, просили у нихъ прощенія, которое тогда же и получили; послѣ сего корабль подвигся самъ собою, и они, возвратившись на островъ, дали святымъ полную свободу. Потомъ преподобные стали просить у нихъ и ничтожныя свои вещи, какъ для нихъ необходимыя, но варвары презрѣли ихъ прошеніе, и отправились въ свой путь. Но когда отплыли они отъ острова на довольное уже разстояніе, внезапно подулъ противный вѣ-

терь, и пригналъ ихъ опять къ тому же острову. Изумившись этому чуду, варвары тотчасъ же отдали святымъ и все у нихъ похищенное (Пат. ч. 1. стр. 52—53).

Итакъ видите, братіе, и варваровъ сначала вразумилъ Господь, а потомъ явилъ имъ и милость Свою и простилъ ихъ, когда они сознали свой грѣхъ, развязали его и возвратили свободу святымъ и у нихъ взятое. На васъ же, какъ на христіанахъ, Онъ, милосердый, конечно и скорѣе явить Свое милосердіе, когда вы, подпадши за грѣхъ подъ карающую руку Божию, искупите его, какъ и чѣмъ можете, и хотя съ самораспятіемъ, но все-таки, по возможности, удовлетворите правосудію Божию, и самымъ дѣломъ развяжете свои грѣховныя узы. Да, несомнѣнно, что къ такимъ—наказываемымъ, но искренно кающимся грѣшникамъ Господь всегда милостивъ бываетъ и печаль ихъ прелагаетъ на радость и скорбь на веселіе. Аминь.

9. Къ православнымъ, живущимъ среди раскольниковъ.

(Изъ жизни преподоби. Евфимія Иверскаго. Пат. ч. I стр. 125).

Тѣмъ изъ васъ, братіе, которые живете среди раскольниковъ, вѣроятно не разъ приходилось слышать бесѣды съ ними православныхъ о вѣрѣ, и конечно не разъ бывать свидѣтелями того, какъ на этихъ бесѣдахъ раскольники бываютъ заносчивы, хульны и дерзки. Не говоря о томъ, что они не только тогда, когда не убѣждаются доводами православныхъ, дерзаютъ хулить святѣйшія истины нашей вѣры; но что всего ужаснѣе, часто и убѣждаясь въ истинѣ, и будучи доведены до полного сознанія въ своемъ неправомысліи, и тутъ, по сатанинской гордости, не ужасаются произносить хулы на вѣру и церковь. Въ первомъ случаѣ, т. е. если человекъ не убѣжденъ въ чемъ и хулить то; еще, относительно говоря, простительно ему; а въ послѣднемъ, т. е. когда человекъ и убѣдился въ истинѣ, но онъ хулитъ ее;—ему непростительно. По этому поводу, и чтобы убѣдить заблуждающихся братій вашихъ въ вышесказанномъ, расскажите имъ, при свиданіи, слѣдующій случай изъ жизни преподобнаго Евфимія Иверскаго, память котораго церковь совершаетъ мая 13-го.

Однажды къ преподобному пришелъ еврей—поговорить о

вѣрѣ. Блаженный никакъ не хотѣлъ входить съ нимъ въ бесѣду подобнаго рода, почитая пустословіемъ—отъявленнымъ врагамъ Христовымъ излагать и объяснять божественныя таинства вѣры; впрочемъ изъ уваженія и почтительности къ своему отцу Іоанну, много убѣждавшему его къ бесѣдѣ съ евреемъ, наконецъ согласился на это. Когда началъ онъ приводить еврею различныя изреченія и предсказанія Ветхаго Завета о Божественномъ Мессіи, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Котораго отвергли евреи,—слушавшій его еврей замолчалъ, невольно убѣждаясь въ справедливости его словъ и не находя на нихъ, съ своей стороны, никакихъ возраженій. Однакожъ этотъ отверженникъ, пристыженный св. Евфиміемъ, вмѣсто того, чтобы принять къ сердцу глаголы святой истины, по упорству, свойственному невѣрнымъ, дерзнулъ произносить нечистыми своими устами хулы на Господа нашего Іисуса Христа. «Да онѣмѣютъ уста, хуляція Господа Бога нашего!» воскликнулъ тогда св. Евфимій, воспламенившійся божественною ревностію,—и въ тоже мгновеніе еврей онѣмѣлъ, ринулся оземь, и изъ богохульныхъ его устъ начала клубиться пѣна. Въ такомъ ужасномъ положеніи, нечестивецъ на другой день испустилъ преступный свой духъ. Это чудо навело на всѣхъ страхъ и ужасъ, и по всему Константинополю пронеслась слава и молва о св. Евфиміѣ. (Пат. ч. I стр. 125—126).

Итакъ, братіе, горе тѣмъ, которые на самолюбіе и гордость мѣняютъ и свое спасеніе и вѣру и церковь, и не ужасаются изрыгать дерзкія хулы на святѣйшія истины. Если постигнетъ ихъ горе въ сей жизни, это еще милостиво. Но, что если они пребудутъ въ своемъ упорствѣ и останутся съ своимъ злохуленіемъ до конца? Тогда ужъ подлинно горе имъ будетъ; горе, ужаснѣе котораго нѣтъ! Ибо тогда они впадаютъ въ грѣхъ, который называется хулою на Духа Святаго и который не отпустится имъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. *Всякъ, иже речетъ, говоритъ Господь, слово на Сына Человѣческаго, оставится ему: а на Святаго Духа хулившему не оставится* (Лук. 12, 10).—Помолимся, въ заключеніе, чтобы Господь не допустилъ ихъ до такого ужаснаго состоянія; но коснулся Своею всеисильною благодатію ихъ ума и сердца, и ими же вѣсть судьбами, привелъ къ познанію Своея истины и спасъ погибающія души ихъ. Аминь.

10. Въ горѣ или несчастіи своего мѣста оставаться не должно.

(Изъ жизни преподобн. Аѳанасія. Пат. ч. I стр. 95—96 и 100—101).

Когда кого-либо изъ насъ постигаетъ какое-либо горе или несчастіе — на мѣстѣ, на которомъ мы живемъ; то нерѣдко случается, что мы оставляемъ свое мѣсто и идемъ искать счастья на новомъ мѣстѣ. Дѣло, въ большинствѣ случаевъ, не похвальное. Насъ постигло горе на нашемъ жительство: а кто поручится, что избѣжимъ его и на новомъ? Намъ трудно на старомъ мѣстѣ? Но, кто же сказалъ, что будетъ легче и на новомъ? Затѣмъ: развѣ безъ попущенія Божія что можетъ быть? Господу угодно было попустить на насъ несчастіе; но въ Его же рукахъ и избавить отъ несчастія, и скорбь преложить на радость. А если бѣжали въ другое мѣсто, то ужъ сейчасъ видны и недостатокъ вѣры и надежды на Бога и малодушіе. Нѣтъ, ужъ гдѣ Господь велѣлъ что терпѣть, тамъ и терпи, и Господь обратитъ злое во благо; а уйдешь, пожалуй и Бога прогнѣвишь, да и счастья не получишь. Когда преподобный Аѳанасій Аѳонскій строилъ свою лавру, попущеніемъ Божиимъ, случилось, что въ одинъ годъ сдѣлался въ ней такой неурожай и голодъ, что во множествѣ стекшіеся къ нему братіе, не вынося строгихъ подвиговъ и постигшаго лавру искушенія, одинъ по одному разошлись, такъ что наконецъ остался одинъ только святой Аѳанасій, и при томъ — безъ куска хлѣба. Какъ ни былъ силенъ въ подвигахъ и твердъ въ духѣ терпѣнія святой Аѳанасій, но голодъ превозмогъ его, — твердость духа поколебалась, и онъ рѣшился оставить лавру и идти куда-нибудь въ другое мѣсто. На утро, святой Аѳанасій, съ желѣзнымъ своимъ жезломъ, въ смутномъ расположеніи духа, уныло шелъ по дорогѣ къ Кареи, и въ пути провелъ уже два часа: наконецъ силы его истощились, и онъ хотѣлъ было присѣсть, чтобы отдохнуть, какъ вдругъ нѣкая Жена, подъ глубокимъ воздушнымъ покрываломъ, показала идущему къ нему навстрѣчу. Святой Аѳанасій пришелъ въ смущеніе и, не вѣря собственнымъ глазамъ, перекрестился. «Откуда взяты здѣсь женщины?», спросилъ онъ самъ себя, «когда входъ женщинамъ сюда невозможенъ»? Удивляясь видѣнію, пошелъ онъ навстрѣчу Незнакомкѣ. «Куда ты, старецъ?»

скромно спросила Незнакомка святаго Аѳанасія, повстрѣчавшись съ нимъ. Святой Аѳанасій осмотрѣлъ Незнакомку съ ногъ до головы, взглянулъ Ей въ глаза, и, въ невольномъ чувствѣ почтительности, потупился. Скромность одежды, тихій дѣвственный взоръ Ея, трогательный голосъ, — все показывало въ Ней женщину неслучайную. «Ты кто? какъ зашла сюда?» сказалъ старецъ Незнакомкѣ, «и къ чему Тебѣ знать, куда я? Ты видишь, — я здѣшній инокъ. Чего же болѣе?» — «Если ты инокъ», отвѣчала Незнакомка, «то иначе, нежели обыкновенные люди, долженъ и отвѣчать, — быть простодушнымъ, довѣрчивымъ и скромнымъ. Я желаю знать, куда ты идешь; знаю твое горе и все, что съ тобою дѣлается, могу тебѣ помочь, — но прежде желаю услышать, куда ты? «Удивленный бесѣдою таинственной Незнакомки, святой Аѳанасій рассказалъ Ей бѣду свою». И этого-то не вынесъ ты? «возразила Незнакомка:» ради насущнаго куска хлѣба, бросаешь обитель, которая должна быть славною въ роды родовъ? Въ духѣ ли это иночества? Гдѣ же твоя вѣра? Воротись, Я тебѣ помогу». — Но кто же Ты? спросилъ Аѳанасій. — «Я Та самая, Которой ты посвящаешь твою обитель. Я Матерь Господа твоего», отвѣтила явившаяся жена, и въ удостовѣреніе Своего явленія Она повелѣла сомнѣвавшемуся Аѳанасію ударить жезломъ о камень; — тотъ исполнилъ сіе и изъ камня потекла шумнымъ ручьемъ вода. Пр. Аѳанасій хотѣлъ броситься къ ногамъ Богоматери, но Она стала невидима. Возвратясь въ лавру, онъ нашелъ кладовыя наполненными всѣмъ потребнымъ. (Ч. I, стр. 95—96).

Въ другой разъ, когда Аѳанасій получилъ извѣстіе, что другъ его Никифоръ, обѣщавшій принять иночество, сдѣлался царемъ; то такъ опечалился этимъ, что снова оставилъ свою обитель. Когда онъ прибылъ въ Кипръ, то тутъ получилъ извѣстіе, что царь послалъ во всѣ мѣста своей державы строгія повелѣнія, чтобы его, Аѳанасія отыскать. Аѳанасій, удалившись изъ Кипра, хотѣлъ было идти въ Иерусалимъ, но тутъ услышалъ, что въ Палестинѣ всѣ подъ страхомъ по причинѣ нашествія безбожныхъ агарянъ. И стало тѣсно Аѳанасію съ той и другой стороны. Онъ обратился съ усердною молитвою къ Богу и просилъ, чтобы научилъ, что ему дѣлать. Господь явился ему и велѣлъ возвратиться въ его обитель. Аѳанасій безпрекословно повиновался волѣ Божіей. (Пат. ч. I, стр. 100—101).

Итакъ, въ доказательство, что не слѣдуетъ въ несчастіи переходить съ мѣста на мѣсто, возьмемъ въ разсужденіе хотя послѣдній случай. Дома Аѳанасію, какъ мы видѣли, было тѣсно съ одной стороны, а когда ушелъ, то стало тѣсно и отъ обоюду. Да и въ оба раза, замѣтно, уходъ его угоденъ Богу не былъ. Но замѣтите: святой все-таки уходилъ изъ своей обители по нуждѣ. А что же сказать, если уходимъ часто и безъ нужды, а ради одного только малодушія? Конечно, въ такомъ случаѣ, мы и больше прогнѣваемъ Бога, и милости отъ Него потому и на новомъ мѣстѣ ждать не должны. Поэтому, гдѣ Богъ велѣлъ жить, тамъ и будемъ жить. Горе постигнетъ? Къ Богу поскорѣе. Тяжело станеть? Поскорѣе съ молитвой къ Нему. Чѣмъ болѣе будемъ терпѣливы, тѣмъ Онъ будетъ ближе къ намъ, и конечно безъ помощи и утѣшенія насъ не оставитъ. А безъ Бога, куда не уйдете, повѣрьте,—не убавите себѣ горя, а лишь прибавите. Аминь.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышелъ *одинадцатый* выпускъ «Троицкихъ Листковъ», заключающій №№ 401—440. Цѣна каждому выпуску съ пересылкой 50 коп., а за всѣ десять выпусковъ—5 рублей. Тѣ-же листы продаются отдѣльно по 70 к. за 100 безъ пересылки, и по 90 к. съ пересылкою. При выпискѣ на 10 р. пересылка до 1000 верстъ на счетъ редакціи. Адресъ: *Серіевъ Посадъ*, Моск. губ. въ *Редакцію «Троицкихъ Листковъ»* въ Лаврѣ.

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ выходятъ 2 раза въ мѣсяцъ. Цѣна годовому изданію 5 рублей и за пересылку 60 коп. Подписка принимается въ Полтавѣ, въ редакціи Епархіяльныхъ Вѣдомостей, въ Семинаріи.

ДУШЕПОЛЕЗНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ, ежемѣсячное изданіе, рассылается 6 разъ въ годъ, по 2 выпуска сразу. Цѣна годовому изданію—1 рубль съ пересылкою. Подписка принимается *только* въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ Аѳонской часовнѣ св. Великомуч. Пантелеимона, у іеромонаха Аристоклія, куда и благоволятъ обращать свои требованія всѣ иногородные подписчики. Въ Петербургѣ можно подписываться на Ново-Аѳонскомъ подворьѣ, Забалканскій проспектъ, уголъ 2 роты Измаиловскаго полка.

Редакторъ діаконъ *А. Грузовъ*.

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго Комитета, печатать дозволяется. Москва. Сентября 1 дня, 1888 года.

Цензоръ Протоіерей *Платонъ Капустинъ*.

Типо-Литографія И. Ефимова. Бол. Якиманка, д. Смирновой.

ДУШЕПОЛЕЗНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

ВЫПУСКЪ ДЕСЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: Уроки слова благодатнаго: Въ чемъ мы можемъ подражать мученикамъ?—Золотыя блестки: Мысли разнаго содержанія.—О духовномъ милосердіи.—Слово на праздникъ Богородичный.—Аѳонскій Патерикъ въ поученіяхъ.—Монастырь Симонопетръ.

Изданіе Аѳонскаго русскаго Пантелеимонова монастыря.

1888.

Уроки слова благодатнаго

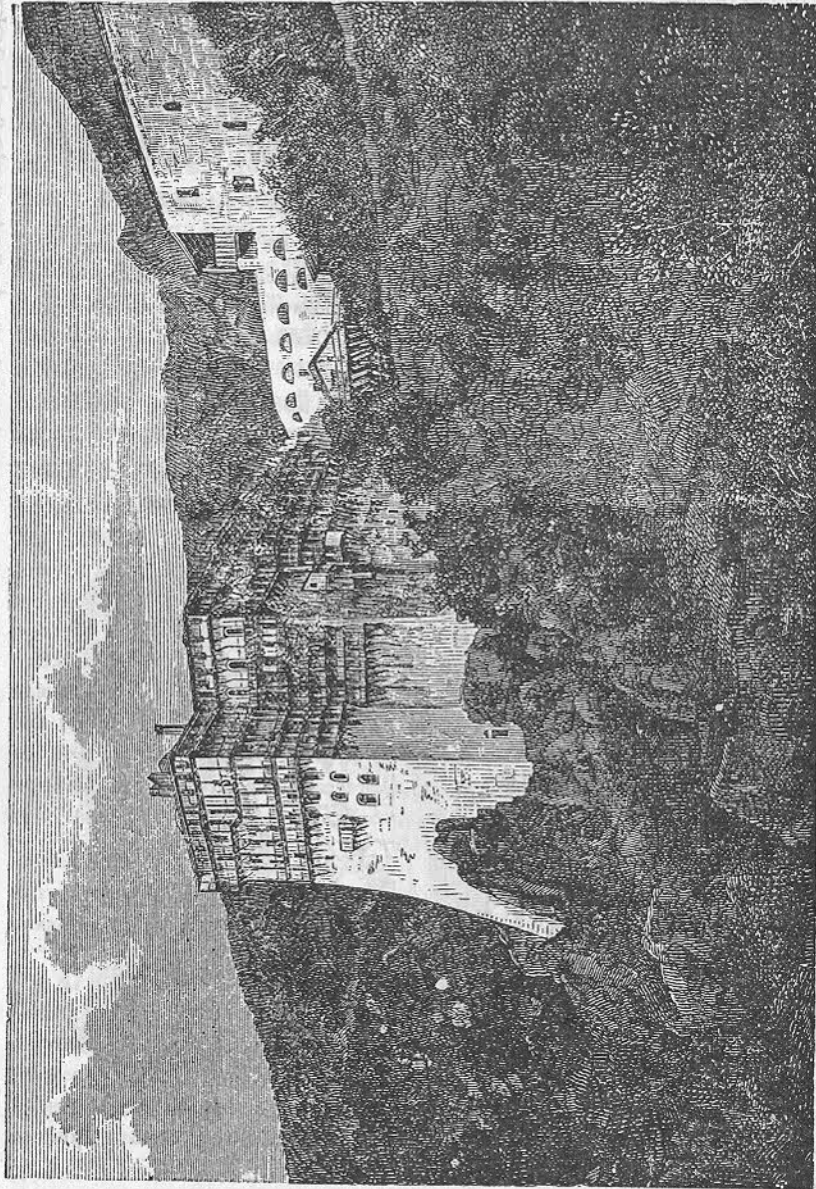
Въ чемъ мы можемъ подражать мученикамъ?

(Изъ бесѣдъ св. Григорія Двоеслова).

Если мы, при помощи Божіей, стараемся сохранять добродѣтель терпѣнія, то хотя живемъ и среди мира Церкви, однакоже держимъ пальму мученичества. Потому что—два рода мученичества: одинъ въ умѣ, а другой—въ умѣ и вмѣстѣ въ дѣйствиіи. Поэтому мы можемъ быть мучениками, хотя насъ не разсѣкаютъ мечемъ гонителей. Ибо умереть отъ гонителя есть очевидное мученичество, но переносить поношенія, любить ненавидящаго, есть сокровенное мученичество въ умѣ. А что два рода мученичества,—одинъ сокровенный, а другой очевидный,—объ этомъ свидѣтельствуетъ Истина—Христосъ Господь, Который спрашиваетъ сыновъ Зеведеевыхъ, говоря: *можетъ ли пити чашу, юже Азъ имамъ пити* (Мат. 20, 22)? Когда они Ему тотчасъ отвѣтили: *можетъ*; тогда Господь отвѣчаетъ, говоря: *чашу убо Мою испіета*. Ибо что мы разумѣемъ подъ чашею, если не скорбь страданія? О ней въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *Отче мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Мат. 24, 39). И сыны Зеведеовы, т. е. Іаковъ и Іоаннъ, не оба подверглись мученичеству, и однакожь тотъ и другой слышалъ, что *испіетъ чашу*. Ибо Іоаннъ окончилъ жизнь отнюдь не мученичествомъ, однако же былъ мученикомъ, потому что страданіе, котораго не принялъ въ тѣлѣ, сохранилъ въ умѣ. Слѣдовательно, и мы безъ желѣза можемъ быть мучениками, если въ душѣ хранимъ истинное терпѣніе.— Не безъ основанія думаю, возлюбленнѣйшая братія, что одинъ примѣръ терпѣнія послужить къ вашему назиданію.

Въ наше время былъ нѣкто по имени Стефанъ, настоятель монастыря, стоящаго за стѣною города Реатини, мужъ весьма святой, преимущественно отличавшій-

Аеонскій монастырь Симонопетръ.

ся добродѣтелию терпѣнія. Есть еще многіе, которые его знали, и которые рассказываютъ и о жизни его и о кончинѣ. Онъ по любви къ небесному отечеству все презиралъ, избѣгалъ всякаго обладанія въ этомъ мірѣ; уклонялся мірскаго шума, и былъ занятъ частыми и продолжительными молитвами. И добродѣтель терпѣнія возросла въ немъ столь высоко, что онъ считалъ своимъ другомъ того, кто что-либо обидное дѣлалъ ему; за поношенія онъ воздавалъ благодарностію; если въ самомъ его убожествѣ наносили ему какой-либо вредъ, онъ почиталъ это за величайшую прибыль; всѣхъ враговъ своихъ признавалъ онъ за своихъ помощниковъ. Когда насталъ день его смерти, тогда собрались многіе и одни тѣлесными очами видѣли входящихъ Ангеловъ, но никакъ не могли проговорить что-либо: другіе рѣшительно ничего не видали; но всѣхъ присутствовавшихъ объялъ такой сильнѣйшій страхъ, что при исходѣ этой святой души никто не могъ тамъ оставаться, и всѣ разбѣжались. Итакъ помыслите, братія, какъ страшенъ будетъ всемогущій Богъ, когда явится праведнымъ Судією, если Онъ такъ устрашилъ присутствующихъ, когда пришелъ съ благоволеніемъ и милостію; или какъ Онъ могъ бы быть страшенъ, если бы могъ быть видимъ, если и невидимое явленіе Его такъ поразило души присутствующихъ. Вотъ, возлюбленнѣйшая братія, терпѣніе, сохраненное во время церковнаго мира, на какую высоту воздаянія поставило его! Къ кому, мы думаемъ, если не къ святымъ мученикамъ причисленъ тотъ, о комъ извѣстно, что онъ очевидно принятъ блаженными духами? Онъ скончался не отъ меча, и однако же по исходѣ получилъ вѣнецъ за терпѣніе, которое содержалъ въ умѣ. Мы ежедневно доказываемъ истину, высказанную прежде насъ, что святая Церковь, полная цвѣтами избранныхъ, во время мира имѣетъ лиліи, а во время брани — розы.

Но сверхъ того, надобно знать, что добродѣтель терпѣнія обыкновенно упражняется тремя способами. Ибо мы иное терпимъ отъ Бога, иное отъ древняго врага, а иное отъ ближняго. Отъ ближняго мы терпимъ преслѣдованія, вредъ и поношенія; а отъ древняго вра-

га—искушенія; отъ Бога же вразумленія. Но во всѣхъ этихъ трехъ способахъ умъ тщательно долженъ осматривать самъ себя, дабы противъ обидъ со стороны ближняго не увлечься желаніемъ воздаянія зломъ за зло; дабы противъ вражнихъ искушеній не преклониться къ услажденію, или къ согласію на беззаконіе; дабы противъ вразумленій Создателя не пасть въ ротъ. Ибо врагъ терпитъ совершенное пораженіе тогда, когда душа наша и среди искушеній не увлекается услажденіемъ и согласіемъ, и среди поношеній отъ ближняго остерегается ненависти, и среди вразумленій Божіихъ воздерживается отъ ропота. Исполняя это, мы не должны желать себѣ воздаянія благами настоящими; ибо за подвигъ терпѣнія надобно ожидать благъ будущей жизни, такъ, чтобы награда за нашъ подвигъ началась тогда, когда уже весь подвигъ рѣшительно кончится. Поэтому и чрезъ Псалмопѣвца говорится: *не до конца забвенъ будетъ нищій, терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца* (Псал. 9, 19). Ибо терпѣніе убогихъ кажется какъ бы *погибшимъ*, когда за него ничѣмъ не воздается въ этой жизни. Но терпѣніе убогихъ *не погибнетъ до конца*; потому что слава за него получается тогда, когда вмѣстѣ кончается все трудное. Итакъ, братіе, храните терпѣніе въ душѣ, и выражайте его на дѣлѣ, когда требуютъ обстоятельства. Никакія поносительныя слова да не подвигнутъ никого изъ васъ къ ненависти ближняго; никакіе убытки въ преходящихъ вещахъ да не смущаютъ. Ибо, если желаете славы вѣчнаго воздаянія, то не жалѣйте о томъ, что потерпѣли временную обиду. Итакъ, терпите враговъ вашихъ, но любите, какъ братьевъ, тѣхъ, отъ которыхъ вы терпите. За временныя обиды ищите вѣчныхъ наградъ. Впрочемъ никто изъ васъ не долженъ имѣть самонадѣянности, будто онъ можетъ исполнить это своими силами, но усердно молитесь, чтобъ это совершилъ въ васъ Самъ Тотъ, Кто заповѣдуетъ. И мы знаемъ, что Онъ охотно выслушиваетъ молящихся, когда они молятся о дарованіи того, что Онъ заповѣдуетъ. Когда Онъ непрестанно побуждается молитвою, тогда сильную даруетъ помощь въ искушеніи чрезъ Господа нашего Иисуса Христа, Который

съ Нимъ живетъ и царствуетъ, Богъ, въ единеніи со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Золотыя блести.

Мысли разнаго содержанія *.

152. Человѣкъ добрыхъ свойствъ, не чуждый и нѣкоторыхъ дѣлъ Богоугодныхъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ поддается своему грѣху, не можетъ имѣть сердца чистаго; благочестіе его внѣшне, — и происходитъ отъ навыка. Сердце должно принадлежать одному Богу. Работая грѣху, человѣкъ теряетъ вождѣнный миръ съ Богомъ и съ самимъ собою.

153. Если кто позналъ истину, и бываетъ искушенъ, то послѣ всякаго искушенія любовь къ Богу въ немъ возрастаетъ; онъ постоянно чувствуетъ духовную радость; и какія бы ни были внѣшнія препятствія, удаляющія его отъ спасенія души, сердце его и разумъ никогда не разлучаются съ Богомъ.

154. Человѣкъ, познавшій истину, находясь въ уединеніи и тишинѣ, погружается мыслями въ Божественное, и чувствуетъ тогда себя въ блаженномъ состояніи, онъ тогда не видитъ и не слышитъ никакой мірской суеты и грѣховности, и душа его свободно возносится къ Богу. Въ уединеніи, искушенія мысленныя хотя находятъ, но они легко отгоняются, при вниманіи человека себѣ.

155. Если намъ грѣшнымъ жалостенъ бываетъ человекъ, который тихъ, кротокъ и сознателенъ въ своей виновности, то какъ же милосердому Богу не будетъ пріятенъ истинно кающійся грѣшникъ? Говоритъ Пророкъ отъ лица Божія: *Богъ взираетъ токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словеса Его* (Исаія 66, 2).

156. Существенный законъ души есть стремленіе къ свѣту, то есть къ чистому познанію.

157. Для внутренняго зрѣнія погребна крайняя чистота души и тѣла.

158. Въ сердцѣ истинныхъ христіанъ живетъ благо-

дать Божія, и являетъ въ немъ свои дѣйствія; страсти же изгоняются изъ сердца и дѣйствуютъ на него со-внѣ, хотя это происходитъ все же въ человѣкѣ.

159. Когда благодать всегда горящая и освящающая большой свѣтъ производитъ, тогда сильнѣе возгарается человекъ упоеніемъ любви Божія.

160. Совершенная добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы растворять правду милостію, потому что правда безъ милости превращается въ лютость, а милость безъ правды въ поблажку.

161. Слеза, изливаемая отъ истиннаго сокрушенія и сердечной печали, есть небесная пища души на землѣ.

162. Жизнь тѣла зависитъ отъ души; а жизнь души зависитъ отъ благодати Духа Божественнаго.

163. Слово Божіе полно Божественнаго, а слово міра — мірскаго, и велико различіе и разстояніе между словомъ Божиимъ, и словомъ міра, между сынами Божіими, и сынами міра!

164. Кто главною цѣлію поставляетъ себѣ достиженіе царства небеснаго, тотъ, хотя и въ мірѣ будетъ жить, можетъ спастись.

165. Человѣкъ, не имѣющій въ себѣ Духа Святаго, при всей учености и всемъ благоразуміи своемъ, болѣе или менѣе всегда рабъ и поклонникъ міра.

166. Премудрость Божія безконечно превосходитъ всякую мудрость человѣческую. Что бы люди не замыслили, и сколько бы замыслы ихъ мудры и разумны ни казались; Богъ въ одно мгновеніе можетъ ихъ разрушить и сдѣлать тщетными, коль скоро это необходимо по планамъ Его промышленія.

167. Люди, не испытавшіе скорбей, рѣдко бываютъ сострадательны къ несчастнымъ; ихъ сердце не было уязвлено скорбію, и чувства ихъ не имѣютъ сродства съ несчастными; они привыкли видѣть и слышать про однихъ удовольствія, и дѣлаются нѣмы и глухи — для воплей горя. Надобно быть внимательными къ несчастнымъ, чтобы за гробомъ не услышать: *чадо, помани, яко воспріялъ еси благая твоя въ животъ твоимъ, и Лазарь такожде злая: нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждещи* (Лук. 16, 25).

*) Продолженіе. См. выпускъ 5 «Душеполезныхъ Размышленій» за 1887 годъ

